

Старушки

– Аймак... Аймак... Аймак... Вторая свободна...

Потрескивающая немая рация не вызывает у меня особого чувства досады. Как и оглушенная полосками старой изоленды коробочка микрофона в руках у водителя Тихона Конь. Через несколько минут бесплодных призывов он, солидно посасывающий измятую папиросу «Беломорканал», выплюнет в приоткрытую дверь кабины тлеющий окурок, включит зажигание. И покатит к станции, где я огорченно сообщу диспетчеру о радиотехническом саботаже рации и, дисциплинарно оправданный, пошатаюсь по унылым комнатенкам, перекинусь двумя-тремя ничего не значащими фразами с коллегами и возьму с рук новый листок вызова, обязывающий ехать по адресату, страдающему каким-то неопределенным «болит живот» или «давление».

Радости мне это вынужденное посещение станции не принесет, но все-таки какой ни есть, но кратковременный разрыв бесконечного отупляющего кружения по улицам и переулкам ночного города.

«Аймак» не отвечает. Подъезжаем ближе к станции, так, чтобы между нами и ней было как можно меньше железобетонной арматуры домов, и наконец слышим обращающийся именно к нам голос диспетчера.

– Вторая, запишите: микрорайон № 4, дом... квартира... Сухотковокая Марина, 79 лет, ушиб руки. Приняли? Повторите.

– Аймак... Аймак... Вызов принял... повторяю...

Итак, еще одна старуха, и скорее всего такая же одинокая в своей квартире, как и все те пять или шесть старых больных женщин, которых я посетил за эти несколько часов ночного дежурства. Закон парности, к сожалению! Точнее – серии. Как правильней сказать: сутки старух или старушечьи сутки? В общем, суточные старухи.

Нет ничего более тягостного, чем эти посещения. Даже не стану объяснять почему.

Во дворе дома нас встретила родственница больной, строгая молодая миловидная женщина. Она молча и тихо провела нас в подъезд дома, словно на конспиративную квартиру. Я удивился. В таких ситуациях родные гораздо возбужденней, говорливей, требовательней. На мой вопрос: «Как

больная?», она неопределенно пожала плечами. Дверь в квартиру была приоткрыта, но пройти узкий коридорчик оказалось довольно сложно. Он был заставлен всякой рухлядью: корзинками и тряпьем, коробками и поломанными стульями. Воздух, несмотря на сквознячок, оставался тяжелым, скверным.

На потертом диванчике среди выпирающих из его узкого нутра пружин сидела седенькая старушечка и держала правую руку, укутанную в старую шаль, левой и то ли постанывала, то ли бормотала что-то, убаюкивая боль. Я сказал: «Здравствуйте, что с вами случилось?» – и, открыв бикс, начал выкладывать на стол пузырек со спиртом, шприц, ампулки. Старушечка приветливо улыбнулась мне, лицо ее посветлело, да так, что я грешным делом подумал: дело пустяк – ушиб. Она попыталась встать, руки ее приспустились, и, видимо, от острой вспыхнувшей боли старушка даже не вскрикнула, а совсем уж жалобно присвистнула и начала медленно оседать, клонясь на бок. Я, занимаясь распаковкой стерильного шприца и зная, что в комнате ее дочка там или внучка, не сразу поспешил ей на помощь, но чуть позже мне самому пришлось, все бросив на несвежую скатерть, кинуться к больной и более-менее устойчиво ее усадить. Она виновато улыбнулась мне, я ободряюще – ей. Катящиеся из ее глаз слезы были до того мелки, как капельки пота, увидеть их можно было, только склоняясь над ней. Я невольно отвернулся и снова заметил стоявшую у дверного косяка встретившую меня родственницу, погруженную в какие-то мысли...

Распаковав новый стерильный шприц, я вколол в предплечье старушечки промедол, подождал, когда появится обезболивающий эффект и затем осмотрел руку. Видно, у нее был закрытый перелом, косточки ведь у них хрупкие, как сухие веточки, зафиксировал предплечье и сказал:

– Бабулечка, надо ехать.

Старушка, сонно прислушивавшаяся к утихающей боли, вдруг оживилась и оказалась ужасной болтуньей:

– Доктор, я так вам благодарна, так признательна. Было так больно, не представляю, как это могло со мной случиться, не представляю. Вы знаете, я после смерти мужа была такой осмотрительной. Вы знаете, он у меня известный архитектор, его многие знали. Он всегда мне говорил: «Машенька, будь осторожна, мы не в таком возрасте». Он, знаете ли, был всегда такой внимательный, но его не стало, и вот пожалуйста... Какая нелепость. И Вика будет огорчена, я знаю, обязательно отчитает меня. Собралась в магазин и надо же – упала! Она всегда мне говорит: мама, не ходи по магазинам, я все принесу тебе сама, она такая внимательная, моя Вика. Врачи, знаете ли, находят у нее вегето-сосудистую дистонию, это опасно, доктор?

Я собирал бикс, слушал ее вполуха, и исключительно с психотерапевтической целью спросил:

– Да как вам сказать ... А кто она вам, эта Вика?

– Виктория моя дочь, доктор, – особенно отчетливо и гордо сказала

старушечка, потом тихо, словно размышляя, добавила. – Она, конечно, права, сейчас опасно выходить из дому на улицу, кругом грипп, но так иногда хочется пройтись, а потом в магазине так интересно, можно с кем-нибудь поговорить ...

– Поговорили бы дома с Викторией.

– Я, доктор, живу одна. Ведь у Вики семья.

Я еще раз взглянул в сторону порога на стоявшую там же молодую женщину. Она произнесла ровным голосом:

– Я соседка Марины Христиановны. Доктор, я больше не нужна? Мне надо идти. У меня грудной ребенок, мальчик беспокойный, часто плачет, Спит плохо. Все мне кажется температура у него.

– Да, да. Вы можете идти, спасибо. Вот только, будьте так добры, помогите Марине Христиановне одеться, пока я приберу аптечку.

– Как, в больницу? Вы мне так помогли, доктор. И рука почти не болит. Как же, Вика придет, а меня нет ...

– Одевайтесь, Марина Христиановна, так надо.

– Но я ведь терпела. Когда же я упала? Еще днем. Я потерплю, доктор. И потом, у меня здесь много ценных вещей, кто же присмотрит? Ведь Вика ничего не знает...

– Я ей все передам, – успокоила ее соседка. – Не беспокойтесь, я ей завтра же позвоню на работу.

– Пожалуйста, Любочка, я прошу, – смешалась Марина Христиановна, надевая плащ. – Ключи пусть будут у Вас. Вдруг Вика придет, а меня нет. Любочка, пожалуйста, не могли бы сейчас газ проконтролировать, я вас прошу ... и знаете, там у меня кран течет... Вы его закрутите покрепче.

В машине я сел не на свое место, а в салоне «скорой» – мало ли что могло случиться в дороге с этим божьим одуванчиком, и был вынужден слушать ее бесконечную, как пряжа, болтовню.

– ... доктор, вы знаете, когда мы приехали в Алма-Ату, здесь представьте себе, почти не было автомобилей ...

Посмотрев сквозь окошечко на дымящего Тихона, она тут же его осудила:

– Я, знаете ли, доктор, никогда не одобряла курение табака. Мой муж, знаете ли, был известным архитектором, однажды, представьте себе, закурил! Но мне стоило лишь посмотреть на него...

А если на выбоинах асфальта сильно трясло, она примолкала от боли и снова:

– ...доктор, мне кажется, моя соседка иногда уносит мои вещи... У меня была прекрасная шаль, мне ее из Оренбурга привез супруг в тысяча девятьсот пятьдесят третьем году, а недавно стала ее искать – нигде не нашла! Доктор, вы простите меня, я так много говорю. Это, знаете ли, оттого, что я сильно испугалась...

– Аймак, Аймак, Аймак, 03 свободна ...

– 03 ... 03 ... запишите №... дом... квартира... Самсонова Лукерья

Антоновна, 68 лет, боли в области сердца...

Дверь в темном подъезде долго не открывали, и когда я уже собирался уходить, послышался звук, близкий к человеческому голосу. Я, пожалуй, не услышал, а скорее почувствовал тревожную вибрацию воздуха. Приложил ухо к двери и тогда уже отчетливо услышал монотонно повторяющееся: «...не уходите... не уходите... не уходите ... не уходите...». Но еще долго не открывали дверь, потом послышались какие-то скребущие душу звуки, шарканье... или что там еще?! Затем кто-то стал мучительно тяжело открывать несколько замков и засовов. Дверь распахнулась наконец и я никого не увидел в сумраке коридора. Оказалось, открывший мне дверь человек лежал на полу за дверью, прижатый к плинтусу. Я взгляделся – седая старуха в сером балахоне.

Не стану утверждать, что меня трудно испугать, бывало и мне было страшно. Приедешь на вызов ночью, а на тебя окровавленный пьяный мужик с гаечным ключом кидается... Или наркоман пытается тебе сонную артерию прокусить. Но войдя в эту квартиру, я действительно струхнул. И весь ужас заключался в том, что меня никто не пытался запугать. Просто мумиеподобное существо с круглым совиным глазом стало подниматься по стене, как часовая секундная стрелка к 12-ти. Просто, повторюсь, было неотвратимо жутко.

Я врач, я смог ей ровно сказать: «Я вам помогу дойти до постели», смог, иначе нельзя, перекинуть холодную плеть ее руки через свое плечо, довести до постели, уложить, выслушать птичье биение ее сердца, измерить давление, сделать неотложные инъекции. И затем долго отходил от переполнявшего меня ужаса, копаясь в биксе, в стороне от старухи, балахон которой, кстати, оказался голубенькой рубашкой, кажется даже с цветочками. Через некоторое время я ее снова осмотрел. Левая сторона больной была парализована, вот отчего этот круглый стеклянный глаз, вот отчего асимметрия лица и парусит щеку, вот почему речь ее была лишена всякой мелодии и интонаций:

- ...сердце... болит... сердце ... болит...
- Я вам сделал хороший укол.
- ... сейчас лучше ... не болит...
- Кто за вами присматривает?
- ... сын ... сын ...
- Где он?
- ... ехал... работа такая... уехал...
- А кто вызывал врача?
- Я...

Кожа на ее лице и теле была сложена в грязно-желтые веера из складок и морщин, суставы рук и ног выпирали, как набалдашники тростей, через живот можно было легко пропальпировать позвоночный столб, до того она была истощена.

- Давно уехал сын?
 - ...давно... приедет скоро... давно...
 - Что же это он не женат. Молодой, что ли?
 - ... молодой ... сорока еще нет ... а невестка ушла с детьми ... плохая она.
 - А сын хороший?
 - ...гордый он... приедет скоро... много работает... хороший...
 - Кем же он работает?
 - ...научный сотрудник науки ...
 - Так кто же вас кормит? Внуки приходят?
 - ...соседи приходили... кормили. Сын ругался... сейчас не приходят... сын стыдится... у меня ... соседи приходили ...
 - Так что вы едите? Разве так можно?
 - ...есть не хочу, иногда ем... хлеб есть... рыбу сушеную сын оставил. Теперь совсем есть не хочу...
 - Надо вас забирать, Самсонова. Так нельзя.
 - ... забирайте...
- Комната была заполнена импортной мебелью. Кругом было чисто, но по-особенному чисто, когда некому сорить. Разве что на всем лежал чуть заметный налет комнатной пыли.
- Заберем, вот только еще один укольчик сделаем, – подтвердил я, набрав в приготовленный во время беседы шприц лекарство, и, проходя к старухе, положил ампулку на крышку пианино.
 - ... не надо... уберите... не надо...
 - Как это не надо, больная? Это очень хорошее лекарство, – заверил я .
 - ...полированное... уברי... пианино полированное ...
 - Что убрать? – так и не понял я, огляделся. – А-а, ампулку? Там водичка была дистиллированная. Извините, Самсонова, но вам бы о себе подумать, чем об этом полированном ящике.
 - ...нет.., хотела... внук играл... уברי... не надо на пианино.
 - Уже убрал.
 - ...протри...
 - Протер. Давайте-ка Вашу руку. Это не больно. Так отдайте пианино невестке, пусть внук играет.
 - ...нет... она плохая...
 - Кем вы работали?
 - ...стирала...
 - Вот и все. Где Ваш муж? Умер?
 - ...пил... некрасивая я была... бил...
 - Ясно. А где у Вас телефон? Узнаю, куда везти.
 - ...нет телефона...

Везти никуда не пришлось. В городе эпидемия гриппа, больницы переполнены, и сейчас никакая больница не примет хронического больного, тем более вне очереди. Я это знал, но отчего же звонил, запрашивал? Зачем обещал увезти, зачем спускался вниз к машине и просил Тихона

подняться наверх с носилками? Не знаю, наверное, оттого, что обыкновенное человеческое страдание более требовательно в нашем сознании, чем регламентированный долг врача «Скорой помощи». А может быть, просто для очистки совести?

– Парализованная? – спросил Тихон Конь, не собираясь даже покидать своего сиденья за рулем «уазика». – Самсонова, что ли? Знаю. Возил ее и я, возил. Промотались всю ночь и обратно затащили, а сынок ее за это на нас «телегу» наката. Да брось ты, я же сказал, знаю ее. Живучая бабка, корень крестьянский, как пить дать. Я ей, может быть, сам с десятков раз помощь оказывал, лечение соответствующее.

Тихон Конь человек солидный, фельдшер с большим стажем, выезжавший когда-то на вызовы самостоятельно. И нетрудно понять, почему он охладил к матушке-медицине: у водителя меньше нервозности и выше заработок. «Извозчиком был, извозчиком и остался», – говорит Тихон, но не так уж сложно уловить в его голосе тоску по оставленному делу, когда он вдруг начинает выпрашивать: что там у больного да какой пульс? А давление? Какие уколы сделал?

Вдруг до меня дошло мистическое звено этой банальной истории: как же парализованная Самсонова вызвала «скорую» если у нее нет телефона? И где пределы человеческой живучести?

– Аймак ... Аймак... Аймак ... 03 свободна

– 03, запишите: микрорайон ... Сарсекеева Камиля, 82 года...

Дверь квартиры открыли сразу, и встретила меня с упреками невероятно высокая худая доисторическая дама, составленная, как вертикальная антенна.

– Побыстрее, молодой человек, – суетливо-озабоченно затвердила она. – Тоже мне скорая! Ждем, ждем целый час! Да не туда же, сюда!

Я прошел. В маленькой комнате у самого порога возле стены на стульях сидели рядышком еще две старушечки, крохотные и тихие, в белых платочках, аккуратно подвязанных под усохшими подбородками, в одинаково темных платьях немудреного покроя. Руки у них сложены на коленях, и глаза высветлены добрым покоем. Вот так, верно, они греются в ясные дни на лавочках. У стены с фотографиями в рамках стоял включенный без звука телевизор с черно-белым экраном, на котором шел репортаж из Берлина. Главный немецкий коммунист Генеральный секретарь [СЕПГ](#) и председатель [Госсовета ГДР](#) товарищ Хонеккер встречал в аэропорту Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Брежнева.

Дальше, в чисто убранной, усталой множестве ковриков и лоскутных одеялец комнате, на широкой никелированной кровати грузно лежала седая хозяйка с отеком, властным и надменным лицом. Глаза у нее были устремлены вверх, и даже в ответ на мое приветствие она не скосила их в

мою сторону, но отчетливо ответила:

– Кімсің? ¹

– Мен дәрігермін, әже. Қай жеріңіз ауырады? ²

– Басым ауырып жатыр, қарағым ³, – ответила мне әже.

И тут же в разговор встряла встретившая меня насквозь проржавевшая Антенна со своим скрипучим голосом. Она сразу же встала за моей спиной и теперь бдительно следила за каждым моим движением.

– У Камили давление, молодой человек, учтите. Сто девяносто на сто сорок.

Нам, студентам лечебного факультета, сосланный в 1938 году из Ленинграда в Караганду мумиеподобный профессор занудливо твердил: «Кровяное давление не дробь, правильно говорить: сто девяносто и сто сорок». И я не удержался:

– ...и сто сорок.

– А вы меня не учите, молодой человек. Я сама воевала санинструктором! – угрожающе закричала Антенна, не думая останавливаться. – Лучше бы, наконец, действительно приступили к процессу измерения давления систолического и диастолического! Где ваш аппарат? Что вы медлите?

Я стал готовить тонометр:

– Санинструктор – это серьезно. .

Но даже после того как я оказал больной нужную ей помощь и сел заполнять лист посещения, Антенна, так и не поняв моего ироничного отношения к ее содействию, не оставила меня в покое. Постоянно указывала, подсказывала что-то, вслушиваясь в наш разговор с әже и, хотя чувствовалось, что казахского языка она не знает, все равно как-то умудрялась точно влезать в беседу.

– Послушайте, могу я спокойно выписать рецепт? – все же не устоял я на линии, как мне казалось, тонкой иронии. – Что Вы тут делаете все? Вроде бы не богадельня...

– Қой, қарағым. Есалаң кемпірге тиме ⁴, – донеслось тут же почти окриком с постели.

Но Антенна была способна сама себя защитить:

– А вот это уже не ваше дело, молодой человек. Мы соседки Камили, приятельницы. Я Нина Васильевна Гордеева. А сидят – Вера Николаевна Шевчук и Вера Петровна Котина. Вы бы лучше лечили, молодой человек.

Значит, я не в богадельне, хотелось мне сказать, но я сдержался. Чувствовалось, что Нина Васильевна Гордеева заводит в этой компании консолидированных старушенций и своих позиций не сдаст. И я только отбился:

– А я чем занимаюсь по-вашему?

¹ – Ты кто?

² – Я врач, бабушка. Что у вас болит?

³ – Голова болит, дорогой.

⁴ – Не трогай эту вздорную старуху

Я еще раз измерил нормализовавшееся артериальное давление больной. Она выглядела уже гораздо стабильней, и ее высокомерие, иногда возникающее помимо воли больных от их страданий, несколько смягчилось. Из криза я ее вывел и теперь обычные две-три фразы на отвлекающие темы для достижения психотерапевтического эффекта – и курс скорой терапии можно считать завершенным:

– Эже, бір топ кемпірлерді жинап отырсыз, шалыңыз кайда? ⁵

Старая женщина не ответила, лишь отвернулась к стене лицом и затихла совсем. Но забеспокоилась с удвоенной энергией Нина Васильевна:

– Молодой человек. Вы все правильно сделали?

– Не сомневайтесь, правильно.

– А может быть ей лечь в правительственную больницу?

– Я бы рекомендовал. Но насчет правительственной, как Вы говорите, то тут я пас.

– Это не проблема. У Камили сын очень большой человек, партийный работник. И муж известный революционер, он полностью посмертно реабилитирован. Если вы ей рекомендуете лечь, ей только стоит позвонить.

– Не слушай эту старую энкведешницу, – голос эже прозвучал рассерженно, с тщательно скрываемыми нотками смущения, словно ее болтливая приятельница проговорила о чем-то стыдном для нее.

– Я не энкведешница, Камиля! – воскликнула Нина Васильевна Гордеева, и затем, вколов свой чекистский взгляд в мое лицо, добавила. – Действительно, мой супруг Александр Александрович Гордеев служил в НКВД. Но о нем все товарищи помнят только хорошее. Он детдомам помогал. А я сама учительница географии и, между прочим, дворянка.

– А они, надо думать, крестьянки, – я показал глазами на старушек в косынках.

– Я не знаю..., – растерялась старая-престарая учителька. – Живем в одном подъезде четверть века и... не знаю, действительно... Чаевничаем чуть ли не каждый день... Они – вдовы! Когда кому-нибудь из нас плохо, – говорила, провожая меня, Нина Васильевна, отчего-то смягчившись, – так оно легче, доктор, когда все вместе. А может, Камиле все же лечь в больницу, пусть ее посмотрят профессора, в последнее время она совсем расклеилась. Я заставляю ее позвонить сыну. Она сама никогда не звонит Конечно, он иногда приезжает... Если бы у меня были дети, не знаю, я бы, наверное ...

Я попрощался и направился к выходу.

– А вы себя как чувствуете? – спросил я, приостановившись в коридоре.

– То есть как «чувствуете»? – переспросила она. – То есть, вы спрашиваете о моем здоровье?

– Да.

– Знаете, как-то неудобно... жаловаться. Ведь вызов не ко мне ...

– Ничего, ничего. Вернемся в комнату. Я вас послушаю, измерим

⁵ – Вы собрали толпу старух, а ваш старик где?

давление...

– Спасибо, доктор, но так действительно неожиданно ... У меня вот здесь иногда колет, если, конечно, это вам действительно интересно...

Лишь уходя, я снова заметил старушек-близнецов, скромно сидевших на стульях. Таких божьих одуванчиков вы можете не замечать, но в этой городской клетке или где угодно – в теремке, вы всегда почувствуете тепло их сопереживающих человеческих душ – единственное чистое естественное лекарство... Если, конечно, такие бабушки у вас есть.

– Аймак ... Аймак. .. Аймак ...

Прошла ночь. Стало светать. Едем на станцию.

– Тихон, – спрашиваю я. – У тебя мать жива?

– Померла в прошлом году, в сентябре ездил хоронить, – помолчав, ответил Тихон Конь. – Теща, та жива. Одна в Аягузе, дом в пять комнат содержит да хозяйство: телок, свиней пара, куры. Казачка. Муженек ее, то есть тесть мой в войну контуженный, бил ее смертным боем. А она и его пережила. А смотри-ка! За семьдесят, наверняка.

– Слушай анекдот, Тихон, – сказал я, вспомнив скетч Даниила Хармса. – Я шел по улице и вдруг увидел, как из окна седьмого этажа выпала старуха. Я остановился полюбопытствовать. За ней выпала вторая, затем третья, четвертая ... Когда падала седьмая старуха, мне надоело на них смотреть и я пошел на Мальцевский рынок, где, говорят, одному слепому подарили вязаную шаль.

– А где смеяться? – спросил Тихон Конь.

– А смеяться не надо.

– Аймак ... Аймак... Аймак... Микрорайон... на пересечение улиц...